

Игорь Виноградов
Москва

КТО ТАКИЕ ШЕСТИДЕСЯТНИКИ?
ИХ РОЛЬ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.
ЧТО ПОСЛЕ НИХ ОСТАЛОСЬ И ОСТАЛОСЬ ЛИ?

Приступая к ответу на вопросы, обозначенные в названии моего выступления, предупреждаю сразу: я попытаюсь разобраться сегодня прежде всего с той очень распространенной сегодня оценкой культуры 60-х годов, согласно которой в ней больше минусов, чем плюсов.

На мой взгляд — все зависит от того, как считать. И что до меня, то мой общий баланс здесь все-таки иной. Тот, который просто обязывает нас отнести 60-е годы к временам, позволяющим много отчетливее видеть границы истинности многих привычных историософских формул, чаще всего толкуемых нами слишком прямолинейно, а потому — превратно.

Например, — границы той знаменитой гегелевской формулы, которая гласит: «Сова Минервы вылетает в сумерки».

Напомню, что у нас в годы так называемого «застоя» было очень модно развивать эту тему, и небезызвестный Вадим Кожин написал даже по этому поводу специальную статью, где (в пику «оттепельным» временам) доказывал, что именно времена реакции как раз и способствуют расцвету культуры.

Что ж, нелепо было бы отрицать, что есть немало исторических примеров, которые как бы подтверждают такую точку зрения. Но все дело в том, что они не дают никаких оснований для ее абсолютизации. Хотя бы уже потому, что не надо забывать: сумерки наступают всегда вслед за днем. И если день был пустой, в сумерках, его сменяющих, сове Минервы делать, как правило, нечего. Без 60-х годов XIX века не было бы ни Толстого, ни Тургенева, ни Достоевского, которые, кстати, и сами прошли через горнило тогдашнего шестидесятиничества. И точно так же без наших 60-х годов не было бы ни наших 70-х, ни наших 80-х с их действительно немалыми взлетами и в мысли, и в искусстве.

Другими словами, эпоха нашей оттепели лишний раз подтверждает, на мой взгляд, тот факт, что первоначальный толчок всякому действительно большому движению в культуре всегда дается каким-то крутым поворотом истории, знаменующим переход к новым формам исторического существования человеческого общества, открывающих более широкий и свободный простор его развитию. Это всегда времена, когда в жизни той или иной страны или даже целой цивилизации возникает новая исторически масштабная духовная, социальная, политическая, культурная проблематика, требующая своего разрешения. И вот тогда-то, именно в этот период начинающегося нового исторического дня, дающего надежду на обновление, и возникают первые ростки той новой культуры, которая может потом развиваться уже и в сумерках. И даже именно в сумерках приносить и наиболее ценные, самые зрелые свои плоды.

Именно такова была — в масштабах нашей страны и применительно к ее развитию — и эпоха оттепели.

Доказательства?

Они последуют.

Вот для начала хотя бы самый простой вопрос на вскидку: если взглянуть на русскую литературу второй половины прошлого и начала этого века, то какие имена — *в качестве наиболее ярких и показательных для всего этого периода* — вы прежде всего назовете?

Наверное все-таки Солженицына, Искандера, Домбровского, Трифонова, Битова, Аксенова, Бродского, — не так ли?

Но ведь это все писатели, именно в 60-е гг. начинавшие, именно тогда формировавшиеся и тогда же впервые и обнаружившие свой писательский масштаб.

А теперь поставьте рядом хоть кого-нибудь из нынешних, *действительно равного* им по значимости, по крупности своего творчества.

Да, за последние двадцать лет у нас немало появилось новых писательских имен, и даже очень громких.

Но все-таки не такого масштаба — с этим вряд ли можно поспорить.

Значит и в самом деле не только в сумерки, но и на заре, и даже пусть при свете не очень еще приветливого, все более затягиваемого мрачными тучами дня, когда появляются тем не менее какие-то новые и достаточно значительные возможности для развития культуры, возможен ее расцвет.

Правда, многие не согласятся, возможно, с тем, что тот же Бродский или даже Солженицын — шестидесятники.

Но здесь я и подхожу как раз к теме, обозначенной в первом вопросе, вынесенном в заглавие — *Кто такие шестидесятники?*

Так вот, если следовать изложенным выше принципам определения природы переломных и переходных эпох, то, мне кажется, вряд ли можно все-таки считать оправданной ту акцентированную политизацию понятия «шестидесятничества», опираясь на которую особо рьяные нынешние оппоненты шестидесятников и пытаются их похоронить: шестидесятники — это-де именно и только те, кто веровал в социализм. Хоть и с человеческим лицом, но все-таки в социализм.

Между тем шестидесятничеством куда правильнее называть, на мой взгляд, и вообще все то *очень широкое духовное явление* в истории нашей страны, которое возникло тогда, когда страна оказалась перед необходимостью кардинальных реформ, когда потребовалось переосмысление ее истории, когда люди встали перед целым рядом сложнейших социальных, политических, нравственных, культурных вопросов, связанных с дальнейшим существованием страны и потребовавших от них ответа. Ведь люди, которые пытались найти эти ответы, были очень разные. И их ответы на эти вопросы тоже были очень разные. Отнюдь не все, принадлежавшие к этому поколению, задумываясь, к примеру, о природе советской власти, о Сталине и сталинском социализме, о том, как и куда надо развиваться стране, или о том, каковы вообще те жизненные и духовные ориентиры, которые способны удовлетворить глубинные запросы личности, искали и находили ответы на все эти оттепельные вызовы на мировоззренческих путях, охватываемых формулой *социализм с человеческим лицом*. Не говоря уж о тех, кто не просто шкурно, но и по убеждению держался за старое, уже тогда немало было и тех, кто вообще не верил ни в какой социализм, а видел спасение страны лишь в возвращении на общемировую дорогу либеральной экономики и так называемой «буржуазной демократии». Третьи пока еще очень исподтишка, но поговаривали и о монархии, четвертых и тогда уже сильно занимали не столько политические, сколько личностно-религиозные искания.

Короче: реальный спектр ответов на «проклятые вопросы» социального и личностного бытия, рожденные оттепельным пробуждением страны, был уже и тогда достаточно широк. Но все это были ответы (и очень разные) *на одни и те же* вопросы, поставленные эпохой. И отвечали на них люди хотя и разные, но одного и того же исторического (не возрастного) поколения, имена которых зазвучали впервые именно в оттепельную пору, — Аксенов и Аверинцев, Егор Яковлев и отец Александр Мень, Кожин и Трифонов, Бродский и Распутин. Все они вышли из этой эпохи, все они были ее детьми, хотя впоследствии и развивались по-разному. Так что в более широком и, на мой взгляд, в чем-то куда более правильном смысле *шестидесятники* — это, конеч-

но же, и вообще все то поколение (очень разного возрастного спектра), которому пришлось так или иначе отвечать на главные вопросы своей эпохи, приоткрывшей завесу над нашим прошлым и ослабившей контроль над мозгами. И вот это очень важно понимать и помнить, подводя итоги шестидесятым годам. Потому что итоги эти будут неверными, если мы не примем во внимание вклад в нашу культуру *действительно всех*, кто вышел из этой эпохи, кто был ею рожден. Как бы ни различились их духовные искания и дальнейшие творческие судьбы.

Но, конечно же, совсем не случайно термин *шестидесятничество* в своем содержательном наполнении прочно сросся в нашем сегодняшнем восприятии и в общем словоупотреблении все-таки именно с идеологией *социализма с человеческим лицом*. Что ни говори, а шестидесятников, исповедовавших именно эту социалистическую религию, было во времена Оттепели подавляющее большинство. И именно в ней, в этой религии, мы вправе видеть поэтому главную, типологическую суть шестидесятничества. Именно она, эта общая (при всех частных расхождениях) святая вера большей части поколения 60-х гг. в то, что *истинный* социализм без полной демократии невозможен, что только тогда, когда он обручен с подлинной свободой всякой личности, он обретает действительно *человеческое лицо*, — именно эта вера была общей духовно-мировоззренческой подосновой едва ли не всей живой, ищущей культуры оттепельной эпохи, и вера эта придавала, естественно, некий общий, типовой характер любым формам, сферам и проявлениям шестидесятнической культуры — от первых попыток социологических и политологических исследований до литературы, кино или театра, так очевидно и акцентированно пронизанных в те годы прежде всего именно *гражданским* оттепельным пафосом. Недаром тот же Окуджава, один из самых знаменитых и знаковых создателей этой новой оттепельной культуры, клялся в те годы в верности «комиссарам в пыльных шлемах», а Фазиль Искандер, фигура для 60-х гг. не менее знаменитая и знаковая, именовал себя «наследником великих революций».

Но если это так, то это значит, что задавая сегодня свои вопросы эпохе оттепели и пытаясь дать ей трезвую историческую оценку, мы должны, очевидно, задать все эти вопросы прежде всего той идеологии *социализма с человеческим лицом*, которая более всего и питала как раз собою эту эпоху, определяла ее лицо. А это значит, что нам никуда не уйти и от проверки ее тем критерием социальной *практики*, которому история неизменно подвергает любое более или менее идеологически определенное общественное движение, вступающее на историческую сцену со знаменем некоего большого общественного проекта. Так для

идеологии европейского (прежде всего французского) Просвещения критериальное время началось с Великой французской революции, попытавшейся реализовать в тогдашней наличной исторической ситуации его великую гуманистическую программу Братства, Равенства и Свободы. А разночинско-шестидесятническое социалистическое просветительство 60-х гг. XIX века обрело свою историческую экспертизу в эпохе, открытой Октябрьской революцией 1917 года, которая и приступила к выявлению истинного жизненного смысла социалистических проектов Чернышевского и его исторической команды, недаром оказавшихся в прямых и почетных предшественниках русской марксистской социал-демократии.

Сегодня, я думаю, уже никто не будет отрицать, что История предоставила полную возможность такой же практической проверки и для оттепели с ее идеологией человеческого социализма. И что этим проверочным, критериальным для нее временем стала, несомненно, перестроечная и постперестроечная пора новейшей истории России.

Когда мы вспоминаем 60-е годы и тех, кого позднее стали именовать шестидесятниками даже в «узком смысле», мы вспоминаем, как правило, прежде всего поэтов и писателей, публицистов и правозащитников, редакторов и журналистов оппозиционного режиму изданий, «подписантов» и создателей «Самиздата» — всю ту среду противостоявшей режиму демократически настроенной общественности, которая и была главной носительницей идеологии социализма с человеческим лицом.

Но нельзя забывать, что к генерации шестидесятников этого же типа принадлежали, несомненно, какие-то представители даже и тех кругов, которые осваивали лабиринты власти на путях прямой партийно-комсомольской или государственной служебной карьеры. Их насчитывалось в карьерной среде, может быть, не так уж и много. Но они тоже были, и, в частности, именно к ним принадлежали, несомненно, и Михаил Горбачев, и, например, Александр Яковлев, и некоторые другие будущие его сподвижники. Это невозможно отрицать именно потому, что как ни сложны и ни извилисты были их карьерные пути, но когда у них появились возможности для реализации их действительно собственной, лично органичной для них системы общественно-политических ценностей, сразу и выяснилось, что *определяющим* для этого личностного их формирования оказалось, в конечном итоге, именно все то, что сформировало и большинство шестидесятников, — XX съезд и еврокоммунизм Грамши и Тольятти, «Новый мир» Твардовского и *Один день Ивана Денисовича* Солженицына, Гомулка и Пражская весна. Ибо они и повели себя в конце 80-х гг., на излете умирающего «реального

социализма», именно как типичные, я бы сказал даже — *закоренелые* шестидесятники. Они сделали то, что в здравом уме и памяти могли сделать только социалисты, искренне и убежденно веровавшие в необходимость и благодетельность прививки существующему «реальному социализму» хорошей порции демократических свобод. Только поэтому, конечно, Горбачев и начал, как все помнят, свои реформы именно с того, что провозгласил *гласность*. И — наряду с начатками рыночной экономики (вполне, впрочем, допустимыми даже и в общих рамках господствовавшей социалистической экономической системы) — даровал стране *главнейшую из политических свобод — свободу слова*.

Но сегодня мы очень хорошо знаем, чем обернулся для нашей страны этот главный шестидесятнический ей дар. Так что если говорить об итогах исторической проверки этого проекта именно как попытки практического претворения в жизнь шестидесятнической социалистической утопии, — попытки, предпринятой Михаилом Горбачевым и рассчитанной именно на построение социализма с человеческим лицом, то итоги эти совершенно, конечно, однозначны. Вместо социализма с человеческим лицом мы получили капитализм с таким бандитским оскалом, какого, может быть, в новейшей истории еще и не было.

Здесь, конечно, не место и не время анализировать сколько-нибудь подробно причины, по которым надежды шестидесятников оказались утопией. Но хотя бы в двух словах невозможно не сказать о главном — о том, что шестидесятническая социалистическая утопия покоилась прежде всего на свойственной всем 60-м гг. столь же утопической материалистически-просветительской убежденности в неисчерпаемых добрых потенциях человеческой природы, нуждающейся лишь в том, чтобы для нее были созданы человеческие же общественные условия. Это была, несомненно, главная — и роковая — иллюзия шестидесятничества, как раз и мешавшая трезвому учету того, во что превратился «человеческий материал» страны за 70 лет пребывания в коммунистической казарме, — тот самый человеческий материал, который шестидесятники рассчитывали столь благодетельно для страны вооружить свободой и демократией, но человеческая природа которого вовсе не была, однако, и вообще так уж свободна от того, что Кант называл «радикальным злом», а уж после 70-и лет постоянного ее развращения и культивации в ней прежде всего безверия, цинизма и утробного эгоизма — и тем более. Так что Ленин, этот самый главный для тогдашнего Горбачева (да и для большинства тогдашних шестидесятников) пророк отечественного социализма, вполне мог бы сформулировать итоги перестроечной проверки шестидесятничества, воспользовавшись для этого знаменитой своей матрицей: *итогами*

результатом горбачевской попытки практически претворить в жизнь шестидесятническую идею социализма с человеческим лицом, мог бы сказать он, стал, несомненно, безусловный и полный крах демократических иллюзий в российском социализме 90-х гг. XX века.

И был бы прав.

А мы, продолжив, дабы не нарушать стилевого единства, эксплуатацию той же матрицы, вполне вправе добавить к этому еще и такой вердикт: провал шестидесятнической горбачевской попытки построить демократический социализм ознаменовал собою к тому же еще, несомненно, и *полный, безусловный крах иллюзий внерелигиозного просветительского гуманизма в российской демократии.*

Значит ли это, однако, что тем самым мы обязаны поставить на главной шестидесятнической религии «социализма с человеческим лицом», послужившей духовной основой почти для всей живой культуры того времени, лишь большой жирный крест? Тот крест, что и оправдал бы как раз все то расплевывание с оттепелью и шестидесятничеством, на которое так щедро оказалось постперестроечное время и примеры которого приводить здесь, наверное, нет никакой нужды — они известны всем.

Но ведь природа этого расплевывания совершенно ясна — понятно, что мы имеем здесь дело с тем самым законом *психологической анти-тезы*, который был сформулирован в свое время отнюдь не таким уж безнадежным мыслителем-марксистом, как Георгий Валентинович Плеханов. В своих *Письмах без адреса* и в других работах по истории искусства он блистательно продемонстрировал на примере европейской истории XVII–XIX вв., как и почему этот закон социальной психологии вступает в действие всякий раз, когда одно историческое время спешит сменить другое. То есть насколько закономерно, почти неизбежно возникает *массовое* психологическое противодействие своим предшественникам у каждого следующего поколения, претендующего сказать какое-то новое слово.

Но ведь мы с вами находимся не в области социальной психологии, а в области *культуры*. А в понимании и оценке ее явлений никак нельзя исходить из такого рода массовых — я сказал бы даже, в известном смысле *стадных* реакций. Здесь важно попытаться понять прежде всего самое *природу* обсуждаемого явления, обращаясь к целостному и всестороннему анализу его реального генезиса, а не отталкиваясь от привычных, пусть даже и массовых представлений о нем, продуцируемых той или иной оппонентной ему средой.

К чему я это говорю?

А вот именно к тому, чтобы верно подойти к пониманию природы и к оценке наследия пусть даже только той шестидесятнической куль-

туры, которая генетически связана с типовой шестидесятнической верой в социализм с человеческим лицом. Потому что на такой подход совершенно невозможно и рассчитывать, если мы не подвергнем очень серьезному, целостному и всестороннему анализу прежде всего ту ее генетическую духовную основу, на которой она выросла. А такой анализ как раз и показывает, что при всей роковой *утопичности*, то есть, в конечном счете, просветительской *абстрактности* человеческо-социалистической веры шестидесятничества как *политической идеологии*, это была вместе с тем отнюдь не абстрактная, а очень живая вера. И эту живую душу сообщала ей, во-первых (и прежде всего), *неотразимая человеческая притягательность тех высоких нравственных идеалов социальной справедливости, равенства, братства и свободы*, реализовать которые всегда обещал социализм и на демагогической эксплуатации которых всегда и строил свое реальное существование. А потому, во-вторых, эту живую ее душу питало и столь же живое, требовательное чувство того *острого стыда* за эту демагогию, за кровавое расхождение между провозглашенными идеалами и кошмаром сталинской социалистической казармы, от которого после разоблачений XX съезда уже не мог быть свободен ни один социалист, считавший себя *порядочным* человеком.

Понять и верно оценить то, что представляла собою шестидесятническая религия социализма с человеческим лицом, вне этих *идеальных* ее составляющих — невозможно. Это были, несомненно, два главных и очень мощных нравственных источника, которые питали собою ее живую энергию. И именно поэтому ей и нельзя никак отказать в очень большой — и очень понятной — соблазнительности для всякого нормального человеческого сердца, верующего в эти высокие социально-нравственные ценности. Ценности, которые вовсе как раз *не иллюзорны*.

Никакого иного социализма, кроме *нравственного*, не должно и не может быть, — говорит один из героев *Ракового корпуса* Солженицына. И мы знаем, что *такой* социализм *возможен*. Мы знаем это из Евангелия, из апостольских *Деяний*, в которых рассказано о жизни первых христианских общин, где «все было общее» и где возможность этого «всего общего» обуславливала нравственная высота общинников-единоверцев, добровольно и свободно соединивших имущество ради жизни в чистом братстве и в общей любви к Христу и вере в него.

Да, зная это, мы знаем и то, что на подобный уровень нравственной высоты и внутренней свободы своих граждан — уровень, которым одним только и обеспечиваются смысл, оправдание и жизнеспособность общинного социального устройства, — не может даже в далеком при-

ближении всерьез рассчитывать ни одно реальное общество не только современного, но и будущего земного мира.

Однако, с другой стороны, и заданный этими раннехристианскими образцами *нравственный идеал* человеческого общежития (который, в сущности, и лежит в основе социалистической идеи) тоже никогда не потеряет своей притягательности для людей — именно как высший нравственный образец свободного человеческого общества, хотя в полноте своей он никогда и не может быть в современном секулярном мире достигнут. И все же *лишь он* способен задавать то направление, в русле которого только и может происходить реальное нравственное очеловечивание и усовершенствование существующих социально-государственных структур.

Действительно — в чем же еще и состоит, к примеру, смысл всех тех социал-демократических корректировок современного капитализма, которые постоянно предпринимаются во всех развитых странах мира, если не в том, чтобы сделать социально-гражданскую структуру современного общества более созвучной принципам социальной справедливости и солидарности, а не классовой разобщенности и напряжения? То есть более адекватной началам человеческого братства, любви, взаимопомощи и милосердия, а не вражды, ненависти, равнодушия и жестокости? Все это и есть ведь не что иное, как посильное, по мере возможности, внесение в реальную жизнь современного секулярного общества тех или других элементов христианско-социалистического общественного идеала — элементов, которые общество уже (или еще) способно с охотой и свободно принять. И можно предположить, что эти попытки никогда не прекратятся, поскольку никогда не утратит для людей своей значимости этот высший социально-нравственный идеал человеческого общежития в свободной любви, в братстве и духовном единении.

Но если это так — а это так, — то это значит, что, стало быть, в отечественной шестидесятнической идеологии социализма с человеческим лицом очень как раз важно *различать* и *отличать* друг от друга ее безусловно утопический, ложный, а потому даже и опасный компонент, и ее живую душу — ее идеальное ценностное наполнение, ее социально-нравственные ориентиры. По отношению к этому ее наполнению мы и сегодня — не противники, не отрицатели, а прямые преемники шестидесятников, а они — наши прямые предшественники. Если только и для нас социально-нравственный раннехристианский идеал является высшим ориентирующим социальным идеалом, а составляющие его исходные нравственные ценности добра, справедливости, братства, любви, человеческой солидарности, взаимопомощи и т.д. столь же безусловны и неотменимы, как и для шестидесятников.

И вот в этом-то все и дело — в этом и заключается как раз объяснение той остервенелой ненависти к шестидесятникам и шестидесятничеству, которая так характерна для определенной части нынешних идеологических стад, давно распрошавшихся в своих «ново-русских» душах с этими исходными социально-нравственными критериями и ориентирами. Шестидесятничество, это самое близкое к ним по времени и самое антиприродное им поколение, просто режет им глаза, оно — живое их отрицание, живой укор им и их опровержение. Ату же их, ату, этих мастодонтов, этих ископаемых романтических идиотов, этих жалких Дон Кихотов нашей трезвой, прагматичной современности!...

Все это, впрочем, после сказанного настолько уже, надеюсь, ясно, что я не буду тратить на это больше ни времени, ни слов — как не буду лишним раз оговаривать и то, что мое отрицательное отношение к подобного рода улюлюканию вовсе не оберегает от тепель и вообще от сколько-нибудь трезво-критического к ней отношения. Совсем наоборот. Поэтому перейдем, наконец, к итоговым выводам, вытекающим, на мой взгляд, из всего сказанного в отношении тех методологических принципов, которым мы должны следовать при обращении к оттепельной культуре (и даже к советской культуре вообще). И ради которых только и был, собственно, затеян весь этот дискурс.

Итак, если мы согласимся, что в шестидесятничестве нужно уметь отличать его безусловно иллюзорный, утопический компонент (социалистический проект) и те безусловные и исходные для шестидесятничества социально-нравственные идеалы и ценности, которыми оно вдохновлялось, в которые веровало и которые исповедовало, то не дает ли это нам искомый методологический ключ для верного понимания и оценки в том числе и всякого конкретного явления тогдашней *оттепельной культуры*, рожденной на этой общей и типовой для шестидесятничества духовно-идеологической его почве? Ведь тут действительно крайне важно всякий раз очень отчетливо и конкретно видеть, на каких «слоях» этой «почвы» по преимуществу выращены интересующие нас тот или иной роман, повесть, фильм или спектакль, в каком соотношении в их духовно-идеологической подоснове присутствуют типовые компоненты обусловившей их типовой шестидесятнической веры. Ведь действительно одно дело, когда, скажем, автор всячески занят своими социалистическими иллюзиями, всячески их проповедует, на обращении к ним и на их утверждении строит свой сюжет, взаимоотношения между героями и свое собственное к ним отношение. И совсем другое, если духовно исходными для его творческого акта становятся именно отправные безусловные нравственно-социальные ориентиры и критерии его шестидесятнической веры и он прежде всего именно

под их углом зрения обращается к окружающей его действительности, чтобы изобразить ее и выразить свое к ней отношение. Согласимся, что в этом случае перед ним открываются очень большие возможности к тому, чтобы его произведение стало воплощением не какой-то ложной политической идеи и жизненной неправды, а, напротив, вело своего читателя или зрителя к постижению действительной жизни, правдиво рассказывало ему об окружающей его реальности и духовно верно ориентировало его в ней. То есть — было бы достаточно адекватно как раз основным, кардинальным требованиям искусства, действительно принадлежало бы к его «ведомству», а не оказывалось бы выброшенным в сферу анти- или псевдокультуры.

Но ведь именно таким — устремленным к жизненной правде, критически-реалистическим по отношению к действительности нашего «реального социализма» и было по преимуществу все лучшее оттепельное искусство — и Искандер, и Окуджава, и Твардовский, и Тендряков, и Аксенов, и Виктор Некрасов, и Бондарев, и Войнович, и Максимов, и театр «Современник», и кино Райзмана или Ромма, Чухрая или Хуциева, и десятки других памятных всем нам имен и произведений того времени.

Да, можно сколько угодно спорить и критически анализировать их собственно художественное качество, их творческую новизну и т.п.

Но то, что при всем том они являются все-таки феноменами именно культуры, хотя бы исторически и прикрепленной во многом именно к своему времени, а не *подделками* под культуру, — это тоже несомненно. И право на этот статус, обеспечивающий им определенное место в истории российской культуры, они никогда бы не получили, если бы в типовой шестидесятнической религии, которую исповедовали их талантливые творцы, не было той истинной, высокой духовной основы, которая, собственно, и обеспечивала их талантам возможность самоосуществления.

И еще: не забудем, что хотя в среде шестидесятников действительно было очень много тех, чье общественно-политическое мирозерцание и в самом деле не выходило за рамки идеологии «социализма с человеческим лицом», однако для подавляющего их большинства, отнюдь не профессиональных политиков, а художников, писателей, ученых, людей культуры и интеллектуального труда, и здесь, в этой идеологии, акцент был не столько на «социализме», сколько на «человеческом лице». Социализм для большинства шестидесятников был ведь прежде всего той *реальной данностью*, в которой жило поколение, которую предстояло реформировать и которая многим все еще казалась вполне пригодной к реформированию. А вот то новое слово, которое шестидесятники,

принадлежавшие к этой достаточно широкой группе, объединенной некоей общей социалистической ориентацией, действительно принесли с собою, — это именно идея реформирования страны в сторону *большей ее человечности*. И вот этот пафос человечности, эта жажда сделать страну более свободной, более открытой, более пригодной для человеческой жизни как раз и есть то самое главное общее, что роднит уже действительно всех шестидесятников — независимо от того, как веровали и веровали ли они вообще в социализм.

Вот почему, когда говорят, что шестидесятники *проиграли* свою историческую игру, это может относиться только к тем из них, кто действительно держался всеми силами именно за социализм, — такие тоже ведь были. И они действительно во времена перестройки проиграли свою *политическую* игру.

Но разве проиграли свою жизненную и творческую игру, начатую в 60-е годы, такие люди культуры, как Александр Солженицын и Иосиф Бродский, Фазиль Искандер и Юрий Трифонов, Александр Мень и Виктор Астафьев, Андрей Тарковский и Сергей Аверинцев, Мераб Мамардашвили и Юрий Любимов — как и десятки других выдающихся представителей нашей культуры, вышедших из оттепели?!

Igor Winogradow

KIM BYLI „SZESTDIESIATNICY”? ICH ROLA W KULTURZE ROSYJSKIEJ.
CO POZOSTAWILI PO SOBIE, JEŚLI ISTOTNIE COŚ PO NICH ZOSTAŁO?

Streszczenie

Artykuł jest próbą odpowiedzi na postawione w tytule pytania. Autor polemizuje z obiegową opinią, że cechą wyróżniającą tak zwanych szestidiesiatników było marzenie o „socjalizmie z ludzką twarzą”. Jego zdaniem, ich twórczość to fenomen związany z odrodzeniem się duchowości w Rosji, powrotem do humanistycznych idei sprawiedliwości społecznej, braterstwa i wolności, pragnienie, by je zaszczyć rosyjskiemu społeczeństwu. Ci bardzo różni ludzie — od liberałów do narodowców — stawiali i analizowali w swym piarstwie „przekłete problemy” swoich czasów. Domagali się prawdy i szczerości, byli krytyczni wobec „realnego socjalizmu”. Dziś nikt nie dorównuje talentem i ogromem rezonansu społecznego takim pisarzom-szestidiesiatnikom jak Aleksander Sołżenicyn, Fazil Iskander, Jurij Trifonow, Andriej Bitow, Wasilij Aksionow, Josif Brodski, Siergiej Awierincew, Wiktor Astafiew i wielu innych. Ale krytykowani są w pragmatycznej Rosji jako szaleni, naiwni Don Kichoci — tymczasem przemiany, jakie podjął w latach 80. Gorbaczow, zainicjowane hasłami „głasności” i „pieriestrojki, które doprowadziły do ostatecznego krachu demokratycznych złudzeń w rosyjskim socjalizmie lat 90., mają swe źródła właśnie w ideałach szestidiesiatników. Przegrali oni w czasach pieriestrojki na płaszczyźnie politycznej, zwyciężyli jako twórcy wysokiej kultury. Wszystkich ich, niezależnie od orientacji, którą reprezentowali, połączyła idea reformowania Rosji tak, by stała się ona państwem wolnym, otwartym, humanitarnym.

Igor Vinogradov

WHO WERE SHESTIDESIATNIKI? THEIR ROLE IN THE RUSSIAN CULTURE.
WHAT DID THEY LEAVE BEHIND, IF ANYTHING INDEED HAS BEEN LEFT?

Summary

This article presents the attempt to answer the question given in the title. The author polemizes with the common opinion, according to which the distinctive feature of so-called shestidesiatniki was a dream about “socialism with a human face”. According to the author the oeuvre of shestidesiatniki is a phenomenon connected with the revival of spirituality in Russia, returning of the humanistic idea of social equality, brotherhood and freedom, and desire to implant them to the Russian society. Those very different people — from liberals to nationalists — brought up and analyzed in their writing (as well as did their predecessors in the sixties of 20th century) “damned problems” of their times. They demanded the truth and honesty, they criticized “real socialism”. Today nobody equals in talent and the enormity of social response such writers-shestidesiatniki as Aleksand Solzhenitsyn, Fazil Iskander, Yury Trifonov, Andrei Bitov, Vasily Aksyonov, Joseph Brodsky, Sergey Avierncev, Victor Astafiev and many others. Nowadays they are labeled in Russia as naïve Don Quixotes, and nobody seems to remember that the ideas of “glasnost” and “perestroika” that brought about the crush of democratic illusions in the Russian socialism of the 1990s, sprung from the ideas first expressed by shestidesiatniki. Defeated in the period of Perestroika on the political ground, they won as the authors of high culture. All of them, independently from the represented orientation, were connected by the idea of reforming Russia so it became free, open and humanitarian country.